

Питерборуг, пригрезившийся градом на Неве, Или Петербург в судьбе Августа Коцебу

Одна из самых противоречивых фигур европейского космополитизма, Август Коцебу и по сей день являет собой как человеческую, так и политическую загадку. Кто он? Литератор, неудачно занявшийся политикой? Или политик, прикрывавший свои амбиции «бумагомаранием», причем весьма и весьма активным? Или попросту тот, кого убил Карл Занд, о чем каждому русскому школьнику ведомо из строк пушкинского «Кинжала», да его же эпиграммы на Стурдзу, некоторое время считавшейся эпиграммой на Аракчеева»¹.

Собственно, даже внутри каждого из этих отдельно взятых амплуа репутация Коцебу предстает как весьма противоречивая. В литературных кругах он известен как плодовитый писатель–драматург, художественные достоинства пьес которого оценивались то предельно низко, то очень высоко.

В среде историков имя Коцебу казалось бы навсегда связано с Аахенским конгрессом, брошюрой Стурдзы, приписываемой Коцебу, и так называемым усилением реакции в Германии. Впрочем, до сих пор трактовка этих событий поражает намеренным упрощением². Да и в самом убийстве Коцебу остается еще очень много неясного. Проницательнее всего сказал о том еще в 1869 г. Н.Я. Данилевский:

«На дипломатических конгрессах двадцатых годов наиболее умеренным и либеральным был голос Александра. ...Русские ли наущения были причиной всех утеснений, которые терпела немецкая печать, немецкие университеты и вообще стремления немецкого юношества? ... Лучшим доказательством, впрочем, того, что не действительная какая-нибудь вина, не какое-нибудь деятельное вмешательство России, - ко вреду свободы человечества вообще и Германии в особенности, - были причиной общей к ней ненависти, служит убийство Коцебу. Важен тут не самый поступок несчастного студента-фанатика, а то общее сочувствие, которое возбудило к себе это политическое преступление не только в революционных кружках, но и в спокойной, здравомыслящей части общества, чему едва ли можно найти другой пример. В чем состояла, однако же, вина Коцебу? Он доносил, говорят, русскому правительству о состоянии общественного мнения Германии (преимущественно же - ее университетской молодежи), то есть делал то, чем занимается, между прочим, всякий

¹ См.: *Додолев М.А.* А.С.Пушкин и события в Германии 1819–1821 годов // Россия и Германия. Вып.2. М., 2001. С. 62–65.

² См., напр.: *Сироткин В.Г.* Борьба в лагере консервативного русского дворянства по вопросам внешней политики после войны 1812 г. и отставки И.Каподистрии в 1822 г. // Проблемы международных отношений и освободительных движений. М., 1975. С.208 Некоторый поворот в трактовке данной темы намечается в уже упомянутой статье Додолева. Ср. : В 1817–1818 гг. Коцебу состоял на службе при российской миссии в Веймаре и выпускал еженедельную газету.... Он не только не был связан с немецкой полицией, но и не глумился над патриотической молодежью, как утверждали отдельные историки» (*Додолев М.А.* А.С.Пушкин и события в Германии... С.63). См. также: *Додолев М.А.* Россия и проблемы Германской конфедерации в первые годы существования Священного союза (1815–1820) // Россия и Германия. М., 1998. Вып.1. С. 124–147.

дипломатический агент или иностранный корреспондент любой газеты. Вина его ни в каком случае не превышала вины многих петербургских корреспондентов иностранных газет, с теми, однако же, *circonstances atténuantes* в пользу Коцебу, что недоброжелательство к России и клеветы петербургских корреспондентов для всех открыты и могут возбуждать совершенно основательное негодование, а то, что писал Коцебу, никому не было известно, и вся виновность его основывалась на предположениях. И разве во время Коцебу не было множества лиц, которые сообщали германским правительствам (особливо же австрийскому) о духе и направлении мыслей, господствовавших между германской молодежью, что, конечно, для нее было гораздо опаснее? Отчего такой взрыв негодования, откуда такое оскорбление народного чувства, что оно доходит даже до сочувствия убийству, если только убийство совершено во вред России? Нет, не действия Коцебу и все подобные (в сущности, весьма невинного свойства) вмешательства русского правительства в европейские дела объясняют ненависть, которую питают в Европе к России, а самое убийство Коцебу и, главное, то сочувствие, которое оно возбудило, только этой ненавистью и объясняются; причина же ее лежит глубже»³.

Но заметим, что Данилевский объясняет ненависть к Коцебу и его убийство причинами общеполитическими – ненавистью к России и проч. А между тем, в этом неприятии Коцебу была еще одна причина, возможно, более понятная его современникам, чем потомкам, и заключалась она в особенностях поведения Коцебу, в котором было очень много неурядицевого, как определил еще Гете⁴, странного, плохо поддающегося объяснению, «старомодного», как то определил Карамзин⁵, – одним словом неясного, если все это рассматривать вне поведенческого и жизненного контекста Коцебу, в котором принципиальную роль играет, как нам представляется, «петербургский комплекс».

Собственно, в строго биографическом плане мы можем говорить о двух петербургских периодах в жизни Коцебу. Первый, когда он еще юношей приезжает из Веймара, пытается всеми силами завоевать милость императрицы и все же оказывается если не сосланным, то отосланным в Ревель; и второй, когда, попав вместо Эстляндии в ссылку в Сибирь, он очень быстро с почестями оказывается возвращенным в Петербург.

Вспомним чуть подробнее обстоятельства появления «немца Коцебу» в Петербурге.

Выпускник юридического факультета Йенского университета, получивший в 1780 г. место адвоката в Веймаре, уже в 1781 г. Коцебу вынужден покинуть герцогство Саксен–Веймар (в это время ему едва ли исполнилось 20 лет). Официальной причиной изгнания послужили его непочтительные высказывания в адрес герцогского дома и, в частности, вдовствующей герцогини Анны Амалии. Сам же он вспоминал о якобы имевшем место эпизоде, когда ему не предоставили некоей важной административно–военной должности, а министр Гете отказался за него ходатайствовать, несмотря на то, что был другом матери Коцебу⁶.

Как это часто бывало впоследствии в судьбе Коцебу, внешне неблагоприятные обстоятельства сыграли ему на руку и лишь способствовали его карьере. Случилось так, что бывший воспитатель веймарского герцога Карла–

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. - Глава 2.

⁴ См. об этом: Keller M. Agent des Zaren. August von Kotzebue // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19. Jahrhundert : Von der Jahrhundertwende bis zur Reichsgründung. München, 1991. S. 149.

⁵ См.: Giesemann W. Dolch und Leier. Karl Sands russisches Echo // Kulturbeziehungen in Mittel-und Osteuropa im 18. und 19. Jahrhundert. Berlin, 1982.

⁶ См.: August von Kotzebue als Knabe, Jungling, Schriftsteller und Exulant biographisch dargestellt. Breslau, 1802; Kotzebue W. August von Kotzebue. Urteile der Zeitgenossen und der Gegenwart. Dresden, 1881.

Августа, граф Фердинанд фон Герд, бывший в то время посланником прусского двора в Петербурге и знавший Коцебу еще по Веймару, принял участие в его судьбе и рекомендовал его на службу к генералу Бауэру, чья политика заключалась в том, чтобы привлекать на русскую службу подающих надежды своих соотечественников. Так Коцебу оказывается в 1781 г. в Петербурге и принимает русское подданство⁷.

Своему хорошему владению французским языком Коцебу был обязан местом секретаря в Департаменте строения водной коммуникации, а затем и секретаря самого Бауэра, которое до того занимал не менее знаменитый его соотечественник Якоб Ленц⁸. Впрочем, в отличие от Ленца, начавший писать в 15 лет и первые свои пробы пера отдававший еще на суд Гете, в Петербурге Коцебу решает отказаться от литературной деятельности во имя карьеры. И неизвестно, сколько бы продолжалось это литературное воздержание, если бы Бауэр, будучи однажды в Риге и зайдя в книжный магазин, не обнаружил в нем книжку рассказов Коцебу. Удивленный, что автор книги и есть тот самый молодой человек, который находится под его началом, Бауэр решил привлечь его к литературным делам. В Петербурге в то время был немецкий театр, пользовавшийся репутацией посредственного, актеры которого не раз обращались к Бауэру, чтобы тот употребил свое влияние при дворе и уговорил Императрицу ввести театр в число придворных. Екатерина милостиво согласилась, поручив директорство самому Бауэру, который в свою очередь к непосредственному управлению театром привлек Коцебу как отвечающему за репертуар театра⁹.

Коцебу незамедлительно начинает не только руководить театром, но и писать для него пьесы. Так появляется первая пьеса, написанная им непосредственно для Немецкого театра и называвшаяся «Деметриус Иванович. Царь московский. Русский оригинал. Трагедия в 5 действиях» (поставлена на театре 23 июня 1782 г.)

Казалось бы, тема была русской (позже к ней обратится еще один соотечественник Коцебу Шиллер) и тем самым для немецкого театра, игравшего в Петербурге, весьма конъюнктурной. Но именно она принесла Коцебу серьезные осложнения.

Первое прочтение пьесы состоялось в малом кругу избранных, и на чтении присутствовал сам Бауэр. Пьеса ему понравилась и он принял ее к постановке. Коцебу тут же приказал готовить декорации и шить дорогие костюмы в старорусском стиле¹⁰. А поскольку Екатерина предоставила Бауэру независимое управление театром, то он почел за лишнее передавать рукопись на цензуру. Однако в день премьеры полиция вмешивается в представление, потребовав убрать из подзаголовка пьесы «Царь московский», а также изменить историческую линию пьесы¹¹. Формальной причиной вмешательства властей послужил старый указ Петра I, согласно которому Дмитрий, вззошедший на русский престол в 1604 г., объявлялся самозванцем, в то время как у Коцебу он изображался как родной сын Ивана IV и соответственно законный наследник трона. Коцебу отказался принципиально менять сюжет, но выступил с официальным

⁷ *Giesemann W.* Kotzebue in Russland. Materialien zu seiner Wirkungsgeschichte. Frankfurt am Main, 1971.

⁸ *Мельникова С.И.* Я.М. Ленц в России // Немцы в России. Российско-немецкий диалог (Deutschen in Russland. Russisch -Deutscher Dialog). Спб., 2001.

⁹ *Пахомова Н.* Немецкая труппа в Санкт-Петербурге // Немцы в России. Люди и судьбы (Deutschen in Russland : Menschen und Schicksale). Спб, 2000. С. 166; *Мельникова С.И.* А.Ф.Ф. фон Коцебу первый директор Немецкого императорского театра в Санкт-Петербурге // Немцы в России. Проблемы культурного взаимодействия (Fragen der kulturellen Wechselbeziehungen). Спб., 1998. С. 274-278

¹⁰ *Döring H.* August von Kotzebue`s Leben. Weimar, 1830. S. 60.

¹¹ По этим же причинам пьеса не была напечатана при жизни Коцебу. Ее рукопись была опубликована лишь в начале XX в. в журнале «Deutsche Rundschau».

заявлением, что сам он полностью убежден в обмане Дмитрия, а то, что он изобразил его в качестве царского сына, есть не более, чем *licentia poetica*¹².

Почему же Коцебу, которому, конечно же, была известна русская версия истории царевича Дмитрия, пренебрег ею? Вопрос в определенном смысле остается открытым и по сей день. Известный немецкий компаративист М. Келлер предложил, в частности, следующие версии: возможно, считает он, Коцебу рассчитывал на мощное покровительство генерала Бауэра и под этим прикрытием решил нетрадиционным развитием сюжета вызвать внимание к своей пьесе. Или же он хотел противопоставить свою пьесу известной трагедии Сумарокова «Дмитрий Самозванец» (1770), которую, как он знал, высоко ценила Екатерина, и тем самым опять-таки привлечь к себе внимание? Во всяком случае, утверждает Келлер, мы видим здесь перед собой «смесь дерзости, глупости, самопереоценки и незнания, которое, однако, не достигло чаемой цели»¹³.

Другие историки, напротив, видели во всем этом смелость мысли Коцебу, преодолевшего литературный и исторический стереотип.

Можно предложить и еще одну версию «странного» поведения Коцебу: в среде немецких историков существовала устойчивая традиция видеть в том, кто захватил трон в 1604 г., настоящего сына Ивана Грозного. Эта точка зрения была, в частности, представлена в трудах Миллера, который, хотя и не имел возможности высказываться письменно по данному вопросу, не скрывал свою позицию от современников¹⁴.

Наконец, следует еще иметь в виду, что для Коцебу, не просто связанному с традициями немецкой бюргерской драмы XVIII в., но и самому воплотившему ее основные мелодраматические тенденции, важно было сделать из Дмитрия сентиментального героя. Основная сюжетная схема подобных драм была следующей: честный и достойный человек, даже если его постигают беды, в конечном счете обретет свое счастье, пусть даже в результате множества испытаний. Эта тенденция, в сущности, более литературная, чем политическая, и характеризует драму «Деметриус Иванович». Идея самозванства, то есть сознательной лжи, в основе которой лежит тщеславие или месть, гораздо меньше интересовала Коцебу, чем драма об оскорбленной добродетели. Отсюда и превращение классического злодея, каковым представлялся Лже-Дмитрий, в героя сентиментальной драмы, заставляющего проливать слезы зрителей (по закону жанра герой подобной драмы не мог быть обманщиком)¹⁵.

Надо сказать, что пьеса и была воспринята как ранний образец сентиментализма, который только начал входить в моду. Более того, Коцебу одновременно создал ею и определенной стереотип восприятия в Германии русского характера. Так, в рецензии на пьесу, опубликованной в «Berliner Literatur-und Theatralzeitung» (от 2 ноября 1782 г.) критик в особенности восхищался «нежным характером принцессы Иоанновны, а также Мстиславским и самим Дмитрием, в котором выразилась «свойственная русскому национальному характеру мягкость».

Здесь обращает на себя внимание то, как начинающая складываться в Петербурге литературная репутация Коцебу тут же получает свою обратную идеологическую подоплеку. Казалось бы, чисто литературный демарш вызывает первый серьезный конфликт Коцебу с русскими властями, и Екатерина не без враждебности начинает его называть «прусаком», а та игра между культурными, историческими и политическими взглядами, которая оказывается благоприятной для Коцебу-автора, делает его «персоной нон грата» как идеолога и явно портит отношение к нему императрицы.

Правда, пока был жив Бауэр, Коцебу еще оставался в Петербурге. Издавал какое-то время ежемесячник «Bibliothek der Journale», своеобразную антологию статей из

¹² Döring H. August von Kotzebue`s Leben... S. 60–63.

¹³ Keller M. Agent des Zaren.... S. 121–122.

¹⁴ См.: Русская старина. 1877. Т.2. С.576.

¹⁵ См. также: Алексеев М.П. Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в западно-европейской драме // «Борис Годунов» А.С. Пушкина. Л., 1936. С. 115–120.

современных немецких журналов, с которыми, как он считал, петербургский читатель имеет мало возможности познакомиться, и который позже послужил моделью его печально знаменитых бюллетеней, о которых речь еще впереди. Одновременно друзья пытались найти место Коцебу при дворе. Для облегчения задачи он сам решил напечатать сборник рассказов «для юных принцев» («Fabeln oder Erzählungen für junge Prinzen») и посвятить издание великому князю Павлу. Но планы эти разрушила смерть Бауэра. Впрочем, последний в своем завещании просил императрицу оказать милость Коцебу. Однако невзлюбившая Коцебу Екатерина исполнила последнюю волю губернатора лишь отчасти: пожаловав Коцебу чин титулярного советника, она не пожелала оставить его в Петербурге, но отправила заседателем в Надворный суд в Ревеле.

Так начинается Ревельский период в жизни Коцебу, подробности которого мы сознательно опускаем как выходящие за пределы нашей темы. Впрочем, и в этот период в литературной и политической судьбе Коцебу происходит нечто, казалось бы связанное большей частью с Германией и Лифляндией, но на самом деле вновь обострившее отношения Коцебу с Екатериной, то есть с Петербургом. В 1789 г. Коцебу в виду тяжелой болезни, которую он сам определяет как «тяжелейшую меланхолию», просится в отпуск (именно в этот период была написана одна из самых известных его пьес, которую так любил Н.М. Карамзин, – «Человеконенавистничество и раскаяние»). В 1790 г. он получает годичный отпуск и отправляется вместе со своим другом, врачом, и, по совместительству одним из знаменитых корреспондентов Екатерины II Иоганном Георгом Циммерманом на воды. Собственно, именно Циммерману Коцебу и был обязан пожалованному ему императрицей отпуску: «Эта великая и добрая женщина – писал он впоследствии, – вспомнила посреди своих славных побед об одном своем больном слуге, здоровье которого страдало уже в течение нескольких лет, и которого влажный холодный воздух балтийского моря грозил попросту убить. Она подарила мне год, чтобы отдохнуть»¹⁶.

В Пирмонте, желая выразить свою признательность одновременно и Екатерине и Циммерману, Коцебу пишет памфлет «Доктор Бардт с железным лбом», направленный против профессора Бардта, позволившего себе до того напасть на Циммермана за нелицеприятный отзыв о друзьях своей юности в книге «Разговор с Фридрихом Великим» (1790). Итак, Коцебу, поправляя здоровье на водах, пишет памфлет, где красочно изображает оппонентов Циммермана в виде посетителей публичного дома. А далее подписывает его именем уважаемого человека – барона фон Книгге – и издает после возвращения с вод. Выход брошюры явно радует его: «Ничего более радостного для меня, более остроумного ... я никогда не писал», – признается он впоследствии¹⁷.

Однако вскоре дело принимает дурной оборот: разражается скандал, жертвой которого становятся и мнимый автор (фон Книгге), и сам Циммерманн: поскольку книга была в его защиту, его заподозрили в том, что сам он предоставил материалы автору пасквиля. Позже, в своем покаянном письме «К публике» (1792) Коцебу опишет историю написания памфлета: как ему попалась брошюра против Циммермана и как он нашел нужным заступиться за друга, как за 8 дней злополучная брошюра была готова, как после родов от горячки умирала его жена, и что, если бы не это несчастье, он сумел бы воспрепятствовать распространению памфлета¹⁸.

После смерти жены Коцебу уехал в Париж. А в это Циммерман (не ведая, кто истинный автор памфлета), описал ему в письме все те обвинения, которые посыпались на него с момента выхода брошюры, в том числе и обвинение в клятвopеcтупничестве (Циммерман дал клятву, что не является автором памфлета). «Мечь всей немецкой нации падает на меня», – писал он.

Юстиц–канцелярия Ганновера обещала премию в размере от 500 до 1000 талеров тому, кто найдет автора. А параллельно Королевская Курбpауншвейг–Люнебургская

¹⁶ Цит. по: *Döring H. August von Kotzebue`s Leben...* S. 66.

¹⁷ *Ibid.* S. 65.

¹⁸ *Kotzebue W. August von Kotzebue. Urteile der Zeitgenossen...* S. 17.

юстиц–канцелярия обратилась к русскому правительству с просьбой оказать содействие в раскрытии автора. Коцебу чувствовал себя неловко, что оказал медвежью услугу другу и решил помочь, признав за собой частичное авторство. В январе 1892 г. Сенат предписывает рижскому и ревельскому генерал–губернатору Ю. Броуну собрать у Коцебу сведения об его отношении к ругательной книге. Но уже вскоре генерал–прокурор объявляет Сенату, что ее Императорское Величество, получив сведения о сочинителе вышедшей в немецкой земле книги, «Высочайше повелеть соизволила начавшееся о нем исследование ... оставить и более о той книге, от кого требовано было, известий не отбирать».

Здесь любопытны два момента: памфлет вызвал скандал в Германии не только и не столько потому, что Коцебу сфальсифицировал авторство, сколько по причине его «революционного» и «антигосударственного» духа (интересно, что много лет спустя, в 1817 г., по настоянию сына Виланда брошюра будет перепечатана как доказательство реакционности Коцебу – свидетельство того, что реакционный журналист еще в 90–е годы прошлого столетия критиковал падение нравственности и свободы в студенческой среде). Собственно, той революционности, в которой напрасно современники упрекнули Коцебу, парадоксальным образом он был обязан репутации самой Екатерины – философа на троне, в Европе казавшейся значительно более либеральной, чем в России. В Германии, особенно в Пруссии, всякий человек, выступавший в защиту Екатерины и ее друзей–философов, мог прослыть подозрительным якобинцем¹⁹.

Что же касается самой императрицы, то она была весьма раздражена историей с Коцебу – и за себя, и за Циммермана, отношения к которому были не столь прозрачны, несмотря на то, что она признавалась, что его трактат «Об одиночестве» помог ей в жесточайшей тоске, которую она испытывала после смерти своего фаворита, генерала Ланского²⁰. И тогда Екатерина велела прекратить процесс, поскольку не терпела вмешательства германского правосудия в дела своего государства. И косвенно признала тем самым Коцебу «своим», но в Петербург назад не пустила.

Еще одной попыткой Коцебу примириться с Екатериной и тем самым вновь получить доступ в Петербург был его трактат «О дворянстве», в котором он писал о великой роли дворянства в деле процветания России, особенно ярко проявившейся в последнее царствование. Написанный в 1791 г. и опубликованный в 1792 г., трактат прозрачно намекал на ненужность для России, управляемой мудрейшей из цариц, революции, которая перед тем потрясла Францию²¹.

В том же 1792 г. Коцебу опубликовал еще и свой перевод на немецкий язык оды Державина «Изображение Фелицы».

И все же попытки примириться с Екатериной и вернуться в Петербург оказались безуспешными. В 1795 г. Коцебу уходит со службы с чином коллежского асессора, переезжает в свое лифляндское поместье и занимается хозяйством; а в 1797 г. он уезжает в Вену, чтобы возглавить венский театр, откуда, рассорившись с актерами, направляется в Веймар.

В Петербург вновь Коцебу вернуло обстоятельство, которое в ином случае могло бы оказаться роковым. В 1799 г. он собирается покинуть Веймар и отправиться в Россию, где, по его словам, он должен распорядиться принадлежавшими ему и его жене владениями, а также увидеть оставленных им в России старших детей. Друзья его предупреждают, что Павел закрыл границы, а Кутайсов прямо сообщает Коцебу, что тот новому императору

¹⁹ *Giesemann W.* Kotzebue in Russland... S. 61.

²⁰ *Bodemann E.* Der Briefwechsel zwischen der Kaiserin Katharina II. Von Russland und Johann Georg Zimmermann. Hannover-Leipzig, 1906.

²¹ Ср.: «Wo ist das Land [...], das Sicherheit und Ruhe gewährt? – Wo ernten der Landmann und der Bürger die Früchte ihres Fleißes? – Allein in Rußland! Wer könnte hier die Revolution wünschen? – Die Religion ist heilig...» (см.: *Keller M.* Agent des Zaren.... S. 128).

«подозрителен как писатель»²². И все же, через барона Крюденера, Коцебу достает паспорта и отправляется в Россию вместе со своей семьей. А далее случается то, что самим же Коцебу описано в «Достопамятном году моей жизни». Не успев пересечь прусскую границу, он оказывается схваченным в Паланге казаками и доставлен в Миттаву. Далее ему сообщают, что он будет отправлен в Петербург. Впрочем, когда на следующее утро он просыпается, то понимает, что карета его направляется отнюдь не в сторону Петербурга. Так Коцебу оказывается в Тобольске, откуда пишет меморандум императору²³. А 7 июня того же года неожиданно для всех в Тобольск прибывает нарочный с императорским указом освободить Коцебу, а в знак примирения пожаловать ему земли в Лифляндии.

Причиной неожиданной милости была случайно (по другой версии – стараниями друзей) попавшая в пуки Павла пьеса Коцебу «Лейб–кучер Петра III», написанная в год воцарения Павла. Незамеченная тогда, она пришлась в прямом смысле ко двору в 1800 г. Растроганный описанием благородства своего отца, а также своего собственного, Павел сменил гнев на милость, призвал Коцебу в Петербург и сделал его своим негласным секретарем–историографом.

Так начинается второй петербургский период в жизни Коцебу. Через Кутайсова Павел передает свое повеление Коцебу написать от его имени вызов на рыцарский турнир всем суверенам Европы, который он в дальнейшем собирался опубликовать в наиглавнейших газетах Европы²⁴. Впрочем, не слишком удовлетворенный предложенным ему текстом, в дальнейшем Павел ограничивается переводом собственноручного текста вызова с французского на немецкий (Марии Федоровне он в это время сообщает свои впечатления о Коцебу: «Выглядит как сапожник, но глаза выдают ум»²⁵).

Следующий шаг примирения – новое назначение Коцебу директором немецкой придворной труппы с поручением «всестороннего заведывания театром, как в художественном, так и в хозяйственном отношении»²⁶.

А затем, в 1801 г., освободив Коцебу от управления немецкой труппой, Павел поручает ему описание только что отстроенного Михайловского замка. Так Коцебу становится официальным летописцем Павла, описавшим последнее творение императора с такой точностью, что историки искусства еще в начале XX в. сокрушались, что Коцебу не оставил столь же подробного описания Гатчинского дворца и парка²⁷.

Текст «Краткое описание Императорского Михайловского дворца 1801 года» примечателен во многих отношениях. В силу известных обстоятельств не только не опубликованный, но даже не получивший какой–либо огласки при жизни Павла I²⁸, он был явно доработан Коцебу уже после смерти императора. Последним и объясняется его своеобразная двуслойность: очень точное, почти фактологическое описание вновь отстроенного замка перемежается с наблюдениями субъективного и, более того,

²² См. описание событий, предшествовавших поездке Коцебу в Россию в 1800 г. в его собственной книге: *Kotzebue, August. Das merwürdigste Jahr meines Lebens. Berlin, 1802. S. 233.* См. также: *Коцебу А. Достопамятный год моей жизни. М., 2001.*

²³ *Döring H. August von Kotzebue`s Leben... S. 216.*

²⁴ См.: Цареубийство 11 марта 1801 года... С. 293.

²⁵ *Döring H. August von Kotzebue`s Leben... S. 219.*

²⁶ См.: *Пахомова Н. Немецкая труппа в Санкт Петербурге... С.166.*

²⁷ *Weiner P.P. Le mobilier du château de Gatchina – Убранство Гатчинского дворца // Старые годы. 1914. Июль–сент. С.38* (ср.: «По свидетельству Коцебу мы знаем, что в Михайловском замке число ступеней у тронов зависело от достоинств занимавших их лиц... Относительно другого детища Павла Петровича – Михайловского замка – мы имеем довольно просвещенное и последовательное описание, заказанное самим Императором беспричинно сосланному и затем возвращенному им из Тобольска известному писателю Коцебу: нам остается только сожалеть, что на него не было возложено подобное поручение по поводу Гатчины, и что он сам, неоднократно бывавший в Гатчине, не догадался оставить потомству такие сведения»).

²⁸ Впервые напечатан: *Русский архив. 1870. N4–5. С. 969–998.*

оценочного характера, явно появившимися позже и невозможными в тексте, имевшем официальное предназначение. Любопытно, как в столь сравнительно раннем тексте, к тому же написанным автором немецкого происхождения, уже проявляются многие из составляющих того, что позже получит название петербургского текста. Собственно, один из основных упреков, который Коцебу осмеливается бросить Михайловскому дворцу и его создателю, – это упрек в фантазмагоричности, почти на грани с уродливостью. Причем уродливость, странность, несоразмерность целого, как показывает автор, проступает через красоту и великолепие отдельных его частей:

«...Остальные части стен окрашены в красноватый цвет, происхождение которого преданием, довольно достоверным, приписывается рыцарской любезности. Говорят, что одна придворная дама однажды явилась в перчатках этого цвета, и что Император послал одну из этих перчаток в образец составителю этой краски. Надобно сознаться однако же, что столь резкий красный цвет более приличен для пары перчаток, чем для дворца. Многие жители Петербурга воспользовались этим случаем, чтобы тонким образом польстить Императору, окрасив в этот цвет свои дома. (...) Пусть представят себе первое общее впечатление, которое должна произвести на иностранца, подходящего к этому дворцу, уродливая масса красноватых камней, окруженная рвами и подъемными мостами, грозящая двадцатью новыми бронзовыми пушками двенадцатифунтового калибра. Пусть к этому присоединят впечатление, производимое украшениями, из которых многие находятся в прямом противоречии со всеми правилами искусства; как, например, при входе в главный фас, два громадных обелиска из серого мрамора, доходящих до крыши и украшенных бронзовыми вензелями Императора и трофеями из белого мрамора; рядом с этими обелисками, в маленьких нишах, статуи (сравнительно весьма мизерные) Дианы и Аполлона Бельведерского из белого мрамора...»²⁹.

И далее:

«Пусть представят себе эту причудливую смесь предметов, которые. Взятые в отдельности, отличаются большими красотами, но сопоставленные таким образом поражают, но не нравятся»³⁰.

Другая проблема замка, с точки зрения Коцебу, – уродства, проистекающее нередко из неудачной попытки подражания европейским образцам. И если полотна русских художников на русскую тему, как например, написанную Шебуевым картину «Полтавская победа», или «писанное Угрюмовым» «Покорение Казани царем Иваном Васильевичем», автор хвалит, отмечая в них удачную композицию, силу выражения и проч. , то лейтмотивом негативного восприятия замка проходят творения «русского мазилки по имени Смуглевича», плафоном которого на античную тему Коцебу остается весьма недоволен, равно как и изображением архангела Михаила, мнимое целомудрие которого на деле кажется весьма скабресным:

«В самом верху в углублении перспектива замыкается большою картиною (писанною художником, носящим зловещее имя Смуглевича), изображающее архангела Михаила, патрона церкви, повергающего демона в бездну. Стыдливый художник, изобразивший эту группу *in naturalibus*, прибегнул к странному приему для того, чтобы не нарушать приличий. Всякий демон прикрывает как бы случайно, рукою или ногою, те части тела своего соседа, которые живописцу желательно было скрыть, что, в сущности, выходит весьма неприлично»³¹.

²⁹ Там же, с. 971.

³⁰ Там же, с. 972.

³¹ Там же, с. 990.

Завершается же описание тем, что автору понадобилось более двух недель, чтобы обойтись без провожатого и научиться ходить одному по этому громадному, сложному «дедалу», каким явился ему Михайловский замок, спроецировавшийся в дальнейшем и на его видение и видение Петербурга.

Ибо именно работа над описанием замка, доступ в него во всякое время (что по тем временам было делом неслыханным), а также возможность постоянного общения с Павлом в последний год его жизни позволили впоследствии Коцебу еще раз выступить хроникером – теперь уже непосредственно событий, касающихся цареубийства.

Текст записки о заговоре 11–12 марта 1801 г. и убийства императора Павла, долгое время считавшейся утраченной³² и опубликованной в переводе на русский язык А.Б. Лобанова–Ростовского лишь в начале XX века³³, был написан Коцебу десятилетие спустя после описываемых событий: во второй половине 1811 – начале 1812 гг. В это время Коцебу, который после смерти Павла по собственному прошению был «уволен от службы с вознаграждением чином коллежского советника»³⁴ и покинул Петербург, вновь состоял на русской службе – при русском штабе, редактируя дипломатические ноты императора Александра и памфлеты против Наполеона и французов. Однако текст «Записки» возвращал ко временам десятилетней давности и явно соотносился с «Описанием Михайловского дворца», о чем Коцебу сам заявлял в «Предисловии автора»:

«Чтобы внушить читателю доверие к моим словам, мне стоит только познакомить его с тем положением, которое я имел при Павле. Император поручил мне описать во всей подробности Михайловский дворец, этот чрезвычайно дорогой памятник его причудливого вкуса и боязливому нраву. Вследствие того дворец был открыт для меня во всякое время.... Многое я слышал, а кое-что и видел»³⁵.

Примечательно, что «Записка», продиктованная, если верить словам Коцебу, «стремлением к восстановлению истины» (ср.: «...никогда не видел я столь явного отсутствия исторической истины...»³⁶, задуманная как хроника событий тех лет, но не чуравшаяся и изложения уже начавших циркулировать анекдотов и сплетней о Павле, заканчивалась описанием страшной фантазмагии, воцарившейся в первые дни после убийства Павла в Петербурге. Описании, вполне рифмовавшемся с ранее описанной им фантазмагией самого Михайловского замка:

«Квартира моя была в Кушелевом доме на большой площади, прямо напротив Зимнего дворца.(...) Вечером у меня собралось небольшое общество. Мы стояли кружком посреди комнаты и болтали. Между тем совсем стемнело. Нечаянно обернулся я к окну и с ужасом увидел, что город был иллюминирован. Никаких приказаний для иллюминации не было, но она была блистательнее, чем обыкновенно в большие праздники. Один только Зимний дворец

³² См. примечание П. Бартенева к публикации в «Русском архиве» текста Коцебу «К биографии Павла» – извлечении из книги «Достопамятный год из жизни Августа Коцебу...»: «Коцебу оставил особую записку (доселе неизданную) о кончине императора Павла; она хранилась у одного из сыновей его; но где именно теперь эта рукопись, нам неизвестно. П.Б. (Русский архив. 1870. Ч. II. С. 1960). На самом деле, немецкий подлинник рукописного сочинения «Geschichte der Verschwörung, welche am 11. März 1801 dem Kaiser Paul Thron und Leben raubte nebst anderen darauf sich beziehenden Begebenheiten und Anekdoten» поднесен был его сыном, новороссийским генерал-губернатором графом Н.Е. Коцебу, императору Александру Николаевичу осенью 1872 г. в Ливадии (см.: *Коцебу Август. Записки // Цареубийство 11 марта 1801 года... С. VI, предисловие*).

³³ Там же, с.315–423.

³⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1801. N 38. С. 409.

³⁵ *Коцебу Август. Записки... С. 272.*

³⁶ Там же, с.279.

стоял темною массою передо мной и представлял собою величественный контраст. Грусть овладела всеми нами»³⁷.

И далее, говоря о нововведениях Александра I после смерти отца, Коцебу добавлял:

«Не были более обязаны снимать шляпу перед Зимним дворцом; а до того времени было в самом деле крайне тяжело; когда необходимость заставляла идти мимо дворца, нужно было в стужу и ненастье, проходить несколько сот шагов с обнаженной головою из почтения к безжизненной каменной массе»³⁸.

Заканчивались же «Записки» упоминанием о «суеверии», которое уже разглашало о привидении, появившемся в Михайловском замке³⁹.

Казалось бы, петербургская эпопея Коцебу заканчивается в 1801 г. По восшествии Александра на престол он вновь возвращается в Германию, живет некоторое время в Берлине. Но когда Пруссия оказывается в руках Наполеона, бежит в Лифляндию и вскоре вновь определяется на русскую службу⁴⁰. В 1813 г. он состоит при армии Витгенштейна, издавая свой знаменитый «Русско–немецкий народный листок» («Russisch-Deutsches Volksblatt»), цель которого – сообщать на германских территориях достоверную информацию о развитии военных действий, и который очень высоко ценил, среди прочего, фельдмаршал М.И. Кутузов, собственноручно поручивший своему секретарю А.И. Данилевскому посылать Коцебу копию журнала военных действий, отправляемого в Санкт-Петербург⁴¹.

28 марта 1813 г. «в награду оказанного усердия к пользам Отечества, в поощрение на будущее время и в воздаяние за службу детей» он получает чин статского советника. С 1813 по 1816 гг. он назначен генеральным консулом в Кенигсберге. А в 1817 г. по его собственной просьбе русская Коллегия иностранных дел отправляет его в Германию (в Веймар, а затем в Мангейм) своеобразным литературным комиссаром русского правительства»⁴². В 1819 г. в Мангейме его закалывает кинжалом студент Карл Занд.

³⁷ Там же, с.356.

³⁸ Отметим примечательное совпадение этого фрагмента с описанием Петербурга павловских времен в повести С.Ауслендера «Туфелька Нелидовой».

³⁹ Об интересе Коцебу к привидениям и его имитации «явления духов» в церкви св. Николая в Ревеле см. любопытный текст «Рассказы Якова Ивановича де–Санглиена . 1776–1796» (Русская старина. 1883. Т. XL. С.138–142).

⁴⁰ Осуждение Наполеона и сочувствие к России А.Коцебу выразил также, среди прочего, в своем драматическом фарсе «Бог реки Неман и еще Некто» (см.: *Сапожникова Г.Н.* Из истории русско–германских культурных связей в середине XVIII–начале XIX в. // Россия и Германия. М., 1998. Вып.1. С. 111–123. с.117).

⁴¹ Так, в письме от 12 марта 1813 г. из Калиша М.И. Кутузов писал Коцебу: «Могу заверить Вас, милостивый государь, что я прочел Ваше письмо с живейшим интересом, но должен упрекнуть Вас, если Вы считаете, что способен забыть Вас. Напротив, ни одна из Ваших работ не ускользнула от меня, а одна из книг, которые прославили Ваше перо во всех областях литературы, именно один из романов, действие которого происходит в Ливонии, настолько заинтересовал меня, что я даже не спал ночами, чтобы закончить его чтение. Присоединяюсь к мнению публики, отдающей Вам должное, я буду лишь приветствовать выбор графа Витгенштейна, который избрал Ваше перо, чтобы противопоставить лжи, которую изволят распространять французы, истину фактов и столь характеризующую Вас энергию. Чтобы ввести Вас в курс событий в их совокупности, я отдал приказ армейскому корреспонденту г-ну Данилевскому, прекрасно владеющему немецким и французским языками, еженедельно пересылать вас копию журнала военных действий, посылаемого в С.-Петербург» (Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. М., 1995. С.293).

⁴² Отметим, что в до сих пор еще не введенной в научный оборот переписке с Коцебу, предшествовавшей его «командировке» в Германию, Нессельроде, ссылаясь на волю императора

Но примечательно, что все эти годы, независимо от места пребывания, будь то в Ревеле или в Германии, независимо от служебного положения, немецкий писатель Коцебу всячески культивирует в себе чувство принадлежности к России, которую не устает именовать своим «Отечеством» (вариант – «Отчизной», причем последняя ассоциируется им, в свою очередь, с Петербургом). Так, в написанном им некрологе своему сыну Вильгельму, погибшему в 1816 г. в сражении под Ригой, Коцебу описывал путь сына, который, подобно отцу, имея две Отчизны (Германию и Россию), истинной своей Отчизной считал Россию. А потому, отправленный в возрасте 6 лет в Веймар, «на 12 году ... возвратился в Отечество и усовершенствовал познания свои в известном Главном Училище Св. Петра в Санкт–Петербурге»⁴³. Затем служил у австрийского Императора, по заключении Австриею мира перешел в Английскую службу, откуда, «возбужденный желанием служить своему Отечеству» в 1811 г. «поспешил в объятия отца» (то есть откомандировался к корпусу графа Витгенштейна, которым и был отправлен в Ригу). «И так как он имел участие в подвигах, которые способствовали спасению Петербурга, следственно и Отечества, вот одно утешение терзаемого горестию отца» – заканчивал свой некролог Коцебу⁴⁴.

А годом раньше он опубликовал антологию рассказов и повестей «Отборные цветы, или собрание повестей, исторических происшествий, анекдотов, извлечений, были и небылиц». (Ч.1–3. М., 1815), в котором петербургская тема также имела явное развитие. Словно продолжая свою деятельность летописца Петербурга, населяющих его людей (недаром М.И.Кутузов назвал однажды Коцебу «русским Плутархом»⁴⁵) и петербургских достопримечательностей, он включил в свой сборник текст «Из дневных записок последнего Короля Польского Станислава Августа, от 2 Марта 1797 до 12 февраля 1798», в котором мы находим и подробное описание увеселительного замка в Ропше, где скончался Петр III, и Мраморного Дворца, и Чесменского дворца (Кикирики), и Петергофа⁴⁶.

Но еще более примечательна напечатанная в 1–ой части того же сборника в разделе «Анекдоты» новелла под названием «География», подспудно выражавшая, по–видимому, веру самого Коцебу в то, что все дороги ведут в Петербург. Начиналась она вполне характерным для Коцебу назиданием: «Сколь нужно для молодых девиц заглядывать не в одну ландкарту страны любви, которую некогда Брейткопф напечатал в Лейпциге, докажет следующий анекдот».

Суть же анекдота сводилась к истории о том, как две бедные молодые девушки в Ньюкастеле получают письмо от старого богатого дяди, жившего в Петербурге, который приглашает их как можно скорее к себе приехать, ибо чувствует скорое приближение смерти и хочет сделать наследницами. Обрадованные сестры осведомляются, где

Александра I, подчеркивал, что поручаемая Коцебу работа по составлению «бюллетений» для Министерства иностранных дел должна носить чисто научный, а не политический характер. В этой связи он также отказывал Коцебу в формальной аккредитации при русской миссии в герцогстве Саксен–Веймар. Ср.: «Elle (Sa Majesté Impériale) veut le considerer comme purement scientifique et par conséquent en écarter tout ce qui pourrait lui donner l'apparence d'une attache quelconque au service avtif de l'Empereur dans l'étranger. Je ne saurais d'après cela Vous placer à l'une ou l'autre de Ses Missions, et préférerais que vous fussiez envisage partout comme un voyageur auquel l'Empereur accorde in traitement, par égard pour l'honneur que ses travaux littéraires font au nom Russe ; auquel Il permet de tems en tems de l'entretenir du fruit de ses observations et qu'Il voit avec satisfaction se vouer entièrement aux Sciences» (письмо от 22 ноября 1816 г. – АВПРИ. Ф. 340. Оп. 839а. N 1. Л.1).

⁴³ СО. 1816. Ч.30. N 23. С.154–164.

⁴⁴ Там же, с. 164.

⁴⁵ Фельдмаршал Кутузов... С.293.

⁴⁶ Отборные цветы, или собрание повестей исторических происшествий, анекдотов, извлечений, были и небылиц. Ч. 3. М., 1815. С. 73 –98. В примечании к «Запискам» сказано, что они «сообщены одним знакомым подданным Франции».

находится Петербург, но попадают с вопросом на такого человека, который оказывается «столь же незнающ, сколь и они». Далее они садятся на корабль и... оказываются Петербурге. И поскольку известно, что в Петербурге есть большая Англиканская Контора, то они почитают вероятным, что найдут там дядю. Разумеется никакого дядю из Петербурга в Петербурге сестры не находят, садятся назад на корабль, возвращаются в Англию, и уже там, «сделавши сей небольшой крюк», сев в почтовую коляску, отправляются прямою дорогою в Петербург. «Неизвестно, нашли ли они еще в живых своего дядю»⁴⁷.

Сам Коцебу определил себя однажды как «гражданина ученой республики, которая переживет все другие республики»⁴⁸. И в этом была своя правда. То, что мы назвали в начале нашей работы «петербургским комплексом Коцебу» (своеобразный русско-петербургский патриотизм), на самом деле уживалось и сосуществовало в нем с иной, казалось бы, противоположной тенденцией – тенденцией европейского космополитизма в интересах равно Германии, как и России. Последнее проявилось, в частности, в написанном Коцебу в 1813 г. «Обращении к немецким князьям» – призыве объединиться с русским царем во имя достижения Германии национальной независимости⁴⁹. Это же проявилось и во всемерной поддержке Коцебу идеи Священного Союза, и его деятельности по изданию журнала «*Literarisches Wochenblatt*», который должен был выразить, согласно Коцебу, «дух века», под которым он сам понимал космополитизм, ориентированный на Россию⁵⁰.

За всем этим проглядывали, помимо всего прочего, две тенденции: старая немецкая идея возрождения Германии с опорой на Россию, в том или ином виде присутствовавшая в работах Лейбница, Гердера, Франца фон Баадера⁵¹. С другой стороны, идея преодоления раскола, национального, политического, наконец, религиозного, которая вообще была лично близка Коцебу. Не случайно, беря на себя миссию историка и обращаясь к истории российской, он выбирает в ней два сюжета, в которых равным образом речь идет о преодолении религиозной схизмы: «Петр Великий и папство»⁵² и «Свитригайло, великий князь Литовский»⁵³. В первом из них Коцебу, на основании найденного в Неаполитанской королевской библиотеке письма, подписанного Петром Великим, делает вывод о его отвращении к схизме и благосклонности к католическому обряду. Во втором он обращается к истории литовского князя, который тесно был связан с русскими, получал от них помощь (за что обычно и был впоследствии порицаем историками) и искал «соединения Российской церкви с Римскою не по политике, но более по убеждению своего благочестия»⁵⁴.

В собственной жизни стремление Коцебу не просто примирить, но и духовно объединить свои две Отчизны – Россию и Германию, Петербург и Веймар – привели, как известно, к трагическому результату. В русском, да и в немецком общественном мнении

⁴⁷ Там же. Ч.3. С. 161–168.

⁴⁸ *Kotzebue August*. Erinnerungen aus Paris im Jahre 1804. Berlin, 1804.

⁴⁹ [*Kotzebue*]. An die deutschen Fürsten. An die deutsche Nation. Aus dem russischen Lager. Königsberg, 1813. S. 7.

⁵⁰ Ср.: [*Kotzebue August*]. Politische Flugblätter. Bd. II. Königsberg, 1816. S. 33.

⁵¹ См.: *Benz E.* Franz von Baader und Kotzebue. Das Russlandbild der Restaurationszeit // Akademie der Wissenschaften und Literatur: Abhandlungen der geistes und sozialwissenschaftlichen Klasse. 1957. N 2. S. 88; *Guerrier W.* Leibniz in seinen Beziehungen zu Rußland und Peter dem Großen. Sankt-Petersburg-Leipzig. Th. II.

⁵² Русский архив. 1903. N 10. С. 393–398 (текст этот вошел в состав книги «Воспоминания о путешествии в Ливонию, Рим и Неаполь»).

⁵³ Русский архив. 1869. N 1-12. С. 614-628.

⁵⁴ Там же. С. 617.

он так и остался синонимом мракобесия – репутация, зиждущаяся более на недоразумении, чем на реальной действительности. Поразительным образом, здесь сработал эффект бумеранга. Как когда-то, в 1790 г., Коцебу приписал свой памфлет против Циммермана другому лицу, так и в 1818 г., записка А.С.Стурдзы «Sur l'état actuel de l'Allemagne» («О современном состоянии Германии»), представленная Александру I, напечатанная затем на французском языке в 50-ти экземплярах и розданная участникам Священного Союза в Аахене (октябрь-ноябрь 1818 г.), а затем обнародованная английской прессой, была общественным мнением приписана Коцебу, который лишь взялся перевести ее на немецкий язык и разъяснить содержание в издаваемой им в это Веймаре газете «Literarisches Wochenblatt»⁵⁵. Параллельно Коцебу описал в одном из своих бюллетеней впечатление, которое брошюра Стурдзы произвела в Европе и, в частности, в Германии.

А дальше произошли события, хорошо известные по многим источникам, и о которых сам Коцебу в смятении повествует в официальном письме графу Каподистрии от 16(28) февраля 1818 г.⁵⁶ Оказывается, что Коцебу дал переписать свой бюллетень писцу Коху, который, не разобрав некоторые места рукописи, показал их своему соседу – издателю оппозиционного листка доктору Линдлеру. А тот, «определив, что в бумагах есть много интересного», снял копию с политической части бюллетеня и отослал ее в Иену профессору Людену, который и опубликовал ее в журнале «Немезида». Материал, публикация которого была на самом деле приостановлена по приказу великого герцога Карла Августа, тут же перепечатаило несколько революционных листков, среди которых и «Друг народа». Текст Коцебу был воспринят как донос.

А между тем в 1817–1819 гг. Коцебу вовсе не связан был ни с русской, ни с немецкой полицией, еще менее он собирался глумиться над патриотической молодежью. Он всего лишь сообщал о литературных новинках Франции и Германии, то есть, по сути, делая то же, что он когда-то делал в первые годы своего пребывания в Петербурге, издавая свой журнал ««Vibliothek der Journale»», так что его журнал читали не только официальные круги, но и люди из окружения Пушкина, как, например Д.М. Княжевич⁵⁷.

И в этом отношении он словно хотел, на излете 10-х годов XIX в., вернуться к ситуации 80-х годов XVIII в. и стать в отношении Александра тем, чем его великий соотечественник барон Гримм был в отношении Екатерины II⁵⁸. Собственно, когда Коцебу обратился к графу Нессельроде с предложением сообщать русскому императору о последних политических и литературных новинках Германии, то исходил он по-прежнему из представлений эпохи Просвещения, усвоенных им не только в классическом Веймаре, но и в екатерининском Петербурге, – о том, что общество и политика формируются идеями⁵⁹ (вспомним в этой связи уже приводившееся выше проницательное суждение Карамзина о том, что Коцебу был убит из-за своей старомодности).

⁵⁵ См. в письме Нессельроде Коцебу от 25 ноября 1817 г. «L'idée que vous avez eue de traduire l'ouvrage de Monsieur de Stourdza décèle votre amour pour le bien, et ne peut que vous concilier les suffrages de l'impartialité. Quant à celle de publier une feuille conçue dans un esprit de loyauté et de bienveillance universelle, je crois pouvoir Vous assurer qu'elle a mérité l'approbation de Sa Majesté Impériale comme toute entreprise dictée par une intention pure et dirigée vers un but aussi avoué que salutaire. Continuez, Monsiuer, à travailler dans le même sens, en évitant soigneusement tout ce qui ne serait pas conforme au système de cohésion intime qui devrait toujours subsister entre les travaux du génie et les progrès de la vérité. (АВПРИ. Ф. 340. Оп. 839а. N 1. Л. 26 об.).

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 839а. N 1. Л.29.

⁵⁷ Додолев М.А. Россия и проблемы Германской конфедерации... С.162.

⁵⁸ Ср. письмо Коцебу графу Нессельроде (1816 г.): «D'ailleurs mon plan n'est pas tout à fait nouveau; il a été exécuté, au moins en partie, par Monsieur de Grimm de tems de sa Majesté l'Impératrice Catherine II» (АВПРИ. Ф. 340. Оп. 839а. N 1. Л.13 об.).

⁵⁹ Ср.: «On envoie souvent des gens dans les pays étrangers, pour observer les progrès des fabriques, l'invention de nouvelles machines etc, ne serait-il pas aussi avantageux pour l'état de

С другой стороны, можно задаться вопросом, почему взгляды Коцебу, которые он, как уже говорилось, разделял с рядом других своих соотечественников, в частности Лейбницем, Гердером и Баадером на роль, отводимую России в будущем и настоящем Германии и Европы, оказались роковыми лишь для Коцебу. Скорее всего, ответ заключается в разном статусе персонажей. И в то время, как перечисленные выше мыслители излагали свои взгляды лишь умозрительно, Коцебу, экзистенциально постоянно разрывающийся между политикой, идеологией и чистой литературой, а физически – между Германией и Россией, попытался тем самым применить их на практике⁶⁰. И тем самым оказался, говоря современным языком, воспринят как недремлющее око Петербурга (впрочем, отметим, что в определенный момент Баадер также хотел получить пост литературного корреспондента при российском Министерстве иностранных дел, и его неуспех во многом «обязан» скомпроментированностью этой должности Коцебу⁶¹).

И последний эпизод, имеющий отношение скорее не к историческому прошлому, сколько к современному его квази–постмодернистскому переосмыслению. Так, в одной из недавних работ о Ф.М.Достоевском, помещенной на интернет–сайте, Коцебу парадоксальным образом выступает как проводник идеи отцеубийства, навеявший Ф.М. Достоевскому тему, присутствующую еще до «Братьев Карамазовых» в «Господине Прохарчине», и в «Неточке Незвановой». Увлечение музыкой, считает автор, могло привести Достоевского к знакомству с профессором петербургской консерватории Карлом Карловичем Маркусом, однофамильцем соседа родителей, Антона Федоровича Маркуса, сыгравшим «мистическую роль в жизни родителей Достоевского».

«Из свидетельств сестры Вари, – пишет далее интерпретатор, – Достоевский мог узнать о ее совместных с А.Ф. Маркусом чтениях немецких авторов, в списке которых мог оказаться и Коцебу, то есть автор, ответственный за сочинение документа об убийстве императора Павла, надо думать, тоже прочитанного Достоевским⁶². «И если Маркус решил ознакомить Варю с подробностями убийства императора Павла, мог размышлять Достоевский, в преддверии убийства ее собственного отца, не могло ли у него быть на то особых причин?»⁶³

А далее происходит наложение двух эпизодов из жизни Коцебу: его описания убийства императора Павла и факт его собственного убийства рукой Карла Занда: «Вспомним, – читаем мы далее, – что и убийцу Коцебу (...), и профессора петербургской консерватории Маркуса звали одним и тем же именем, Карл. По всем имеющимся

faire recueillir toutes les nouvelles idées en tout ce qui peut l'intéresser? C'est pour ainsi dire, une première matière qui le plus souvent n'est pas travaillé dans le pays où la nature l'a produite. Et dont le voisin en s'emparant d'elle, tire un meilleur profit. L'homme, chargé d'un tel tableau, doit lire tout ce qui l'impressionne dans les différens genres surnommés, il doit en faire des extraits, lier ces extraits entre eux, et rendre sur quelques feuilles tout ce qu'il y a de memorable dans une quantité de gros livres ou de brochures. Surement, ces feuilles ne présenteraient pas toujours des notions dont le Gouvernement puisse profiter tout de suite; mais l'auteur ressemble au plongeur qui cherche les perles au fond de la mer et qui se croit richement récompensé si, parmi des centaines de perles ordinaires, il s'en trouve une qui sois digne d'être mise dans un diadème. Et vraiment la dépense que l'on ferait pour un homme chargé d'un tel travail, serait elle un objet? Quand même dans le cour d'une année entière il n'aurait fourni qu'une seule idée, dont l'utilité pour l'état serait bien prouvée? (АВПРИ. Ф. 340. Оп. 839а. N 1. Л.13 об.)

⁶⁰ См. подробнее: *Dmitrieva E.* Ruptures mentales et ruptures politiques. Le cas d'August von Kotzebue // *Cahiers d'études germaniques.* Revue semestrielle. 1995. N 28. P. 213-227.

⁶¹ *Benz E.* Franz von Baader und Kotzebue... S. 63.

⁶² На самом деле текст этот был опубликован значительно позже и не мог быть известен Достоевскому (см. выше).

⁶³ Ася Пекуровская. Механизм желаний Федора Достоевского (главы из романа).

данным, Карл Федорович, питавший «пламенную, бескорыстную дружбу» к отчиму Неточки Незвановой, разделял судьбу А.Ф. Маркуса, который мог питать «пламенную, бескорыстную дружбу» к родителям Достоевского (...). Заметим, что при почти полной идентичности обстоятельств убийства роль убийцы в «Неточке Незвановой» оказывается приписанной отчиму героини, в то время как в реальной жизни Достоевского его покойному отцу надлежало стать жертвой. Аналогичным образом, в инициалах А.Ф. Коцебу прочитывались инициалы А.Ф. Маркуса. И не мог ли Достоевский, впоследствии сделавший разгадывание убийства предметом своей страсти, причислить факт чтения А.Ф. Маркусом Августа Фридриха Фердинанда фон Коцебу, ставшего жертвой убийства, к числу улик против Ф.А. Маркуса? Настоячивый мотив красного цвета, отмеченный Коцебу в контексте «Михайловского замка», где был убит император Павел, повторен и в «Неточке Незвановой».

Оставляем в стороне научную достоверность (или недостоверность) подобной интерпретации. Здесь интереснее другое: как Коцебу путем странной и чуть ли не фантастической деформации входит уже в нынешние времена, в конечном счете, еще и в петербургский текст Ф.М. Достоевского.